

Подожди, подожди, пока вернусь, обязательно разберусь.

Сюй Цзин, опираясь на костыль, вышел. Дверь соседнего дома была распахнута настежь, словно её никто не закрывал.

Кто-нибудь здесь есть? Может, кто-то есть?

Оглядевшись, Сюй Цзин, прихрамывая, вошёл в дом. На полу повсюду были видны следы крови, что сильно напугало его, и он чуть не выронил костыль.

— Ммм...

Звук! Здесь есть кто-то!

Сюй Цзин бросился туда, снял с себя вязаную кофту и прижал её к животу женщины.

— Ты... ты не бойся... я, я помогу, спасу тебя...

Женщина слабо покачала головой, и в этот момент свет солнца перед ним внезапно был заслонён тенью. Дрожа, он обернулся и увидел мужчину, который только что вышел. В его руке был окровавленный нож, а также верёвка и нейлоновый мешок!

Он вовсе не искал врача.

Он собирался...

Неожиданно в Сюй Цзине проснулась смелость, и он крепко обхватил ногу мужчины, крича женщине:

— Беги! Беги!

Женщина замерла на мгновение, а затем, преодолевая боль, поднялась. Она держалась за живот, а её кофта уже была пропитана кровью, став тяжёлой и влажной.

— Отпусти! Ищешь смерти, хромой?

Сюй Цзин продолжал держаться за ногу мужчины, пока женщина не оказалась во дворе.

Внезапно острая боль пронзила его спину, словно его тело разрывали на части. Боль проникала вглубь, до самых костей, разрывая внутренности на части.

Руки Сюй Цзина дрожали, спина неконтролируемо подёргивалась, а тёплая жидкость стекала по его спине к животу.

Не имея больше сил держаться за ногу мужчины, Сюй Цзин упал на пол, кашляя, его пальцы судорожно дёргались, не в силах сжаться.

Режиссёр крикнул нескольким камерам снимать крупный план, думая, что человек, которого вывел молодой актёр, действительно отличается, играя настолько реалистично.

Дун Чуань, стоявший рядом, нахмурился, словно что-то вспомнил.

Мужчина выбежал наружу, схватил женщину за волосы и швырнул её обратно, словно кусок мяса, брошенный рядом с Сюй Цзином.

— Хотела сбежать? Да? Я тебе скажу, этот ребёнок умер из-за тебя, это ты его убила, понимаешь?

Мужчина говорил, словно сошёл с ума. Он вытер рукоять ножа о окровавленную майку, а затем взял руку женщины и заставил её сжать рукоять.

— Видишь? Теперь это ты его убила.

— Я не... я не хотела, я не хотела.

Женщина дрожала, её рана на животе была лишь поверхностной, не задев внутренние органы.

Мужчина злобно усмехнулся:

— Не хотела? Ты не хотела? Тогда почему не помогла мне с ним разобраться? Как выбросить труп, если он ещё дышит?

Сюй Цзин покачал головой, его рот был полон крови, которую он не мог выплюнуть. Подняв взгляд, он заметил, что на стене комнаты висели сорок или пятьдесят удостоверений личности.

Женщина дрожащей рукой сжимала рукоять ножа, и мужчина, не выдержав её вида, схватил её руку и направил нож в Сюй Цзина.

Один удар, ещё один, и ещё.

Сюй Цзин уже не мог сопротивляться, он лежал на полу, наблюдая, как его живот разрывают на части.

Мужчина сломал его костыль и бросил в нейлоновый мешок, затем поднял Сюй Цзина и тоже швырнул туда.

Когда мешок завязали, Сюй Цзин уже ничего не видел, его глаза погрузились во тьму.

Он слышал, как мужчина говорил, успокаивая женщину:

— Рана на животе не страшна, я рассчитал, это всего лишь царапина.

— Не плачь! Я потратил столько денег на тебя, не для того, чтобы ты тут хныкала! Ты знаешь, что случилось с прошлой женщиной? Она тоже не слушалась, и я её заколол и выбросил в подвал.

— Всё ещё плачешь? Когда эта сволочь меня задержала, ты действительно хотела сбежать? Да? Ты посмела бы? Если бы ты сбежала, я бы пошёл к твоим родителям и убил их!

— Боишься меня, дорогая? Да? Не бойся, я всё делаю для тебя, я тебя люблю.

— Ты же не хочешь здесь оставаться, мы пришли с северо-запада, следующая остановка — Цзяннань, хорошо?

Женщина робко спросила:

— А он... что с ним?

— По старой схеме, закопаем в подвале. Не бойся, ничего страшного. Мы так всегда делали, и

нас ещё не поймали. Я сейчас соберусь, и мы уйдём. Сначала сниму удостоверения со стены. Эх, за всё это время я ни разу не трогал детей. Сюй Цзин? Хорошее имя, дорогая, в следующий раз зови меня Сюй Цзином.

Зрачки Сюй Цзина медленно расширились, он вспомнил письма, которые лежали на его столе.

Нужно было их открыть, нужно было открыть...

Тот...

кто научил его слушать.

Услышав, как режиссёр кричит «Стоп!», Дун Чуань резко встал и побежал в комнату, чтобы открыть нейлоновый мешок.

Чэн Пэнфэй был весь в крови, глядя на него, он сказал:

— Я... я только что...

Дун Чуань обнял его, говоря:

— Всё в порядке, всё в порядке, я здесь.

Когда Чэн Пэнфэй играл сцену, где его закалывали, у него уже были сильные реакции. Словно он знал, каково это — быть заколотым, даже его голос дрожал, словно раненый зверь, умоляющий о пощаде.

Вспомнив о семи или восьми шрамах на животе Чэн Пэнфэя, Дун Чуань почувствовал, как сердце сжалось от боли. Он продолжал гладить его по спине, утешая:

— Малыш, я здесь, Дун Чуань здесь, никто не сможет обидеть тебя.

Остальные актёры были шокированы реакцией Дуна, они не заметили, что с Чэн Пэнфэем что-то не так, но, видя, как Дун ведёт себя, они догадались, что состояние Чэн Пэнфэя не совсем нормальное.

Сяо Цзинь сразу же сообщил Вэй Дуну, а затем подошёл к режиссёру, сказав:

— Режиссёр, будем продолжать?

— А? Нет, не нужно, только что всё прошло. Это...

— Всё в порядке, — Сяо Цзинь улыбнулся. — Просто он слишком вжился в роль.

После этого Сяо Цзинь быстро вызвал Ли Гуна с машиной и договорился о встрече с личным врачом Дуна.

Машина подъехала прямо к съёмочной площадке, Дун Чуань снял куртку и накинул её на голову Чэн Пэнфэя, затем поднял его на руки и понёс наружу.

— Если бы я не сказал тебе, твой контракт уже бы подходил к концу, и в компании о тебе никто не отзывался бы хорошо, — сказал Сюй Ипин. — Если бы ты вёл себя спокойнее, возможно, сейчас бы ты продолжал двигаться вперёд. В любом случае, Дун Чуань уже ушёл из кино, сценариев, которые ему интересны, всё меньше, и в компании только Чэн Пэнфэй может с

тобой конкурировать...

— Он конкурирует со мной! Кто он такой? Простой человек, который поднялся благодаря Дуну, и теперь думает, что он такой важный?

Цзян Чэнцзе сказал, вспоминая слова Дуна, его лицо то бледнело, то краснело.

— Если бы не он, компания была бы моей. Почему я должен смириться с этим?

Сюй Ипин слегка вздохнул, чувствуя, что его методы управления артистами становятся всё менее эффективными, и, возможно, всё это закончится из-за Цзян Чэнцзе.

— Что ты хочешь сделать?

— Я не осмелюсь нападать, но Дун Чуань думает, что я его единственный враг?

— ...Чэнцзе, не борись с Дуном.

— Сейчас я не могу ни двинуться вперёд, ни отступить, если я не буду бороться, мне тоже не будет хорошо, так что лучше уж до конца.

Когда Чэн Пэнфэй очнулся, он уже был дома.

Сяо Даньта лежал рядом с ним, облизывая его пальцы, тихо мурлыкая, очень послушный.

Чэн Пэнфэй поднял Сяо Даньту и улыбнулся:

— Живот ещё болит? Ты принял лекарство?

— Мяу!

Чэн Пэнфэй, словно понимая его, серьёзно кивнул и, держа Сяо Даньту на руках, спустился вниз.

Обычно Дун Чуань никогда не заходил на кухню, но сегодня он был там, ругаясь и помешивая что-то в кастрюле.

— ...Ты вообще умеешь готовить? Если не умеешь, позови маму!

— Сварить кашу я могу, ты думаешь, я такой же, как ты?

На другом конце провода был мужской голос, но вскоре разговор перешёл к женщине.

— Ох, мой дорогой, как Фэйфэй? Ему лучше?

Дун Чуань осторожно нарезал огурец, говоря:

— Лучше, он принял лекарство и ещё не проснулся. Эй, мам? Можно ли больному есть нарезанный огурец?

— Закажи еду, пожалуйста, мама умоляет, Фэйфэй и так много пережил.

— ...

Дун Чуань хотел ещё попробовать доказать свои кулинарные способности, но вдруг к его спине

прижалось тёплое тело. Сяо Даньта мяукнул и, топнув лапкой, исчез.

— Дай я.

— Нет, я редко готовлю. Скажи, что сделать.

Телефон всё ещё был на связи, и мама Дуна кричала:

— Фэйфэй! Мы с папой вернулись в страну, обязательно приезжай, когда у тебя будет время!

Дун Чуань равнодушно ответил:

— Он занят!

<http://bllate.org/book/15547/1413561>